

Недоразумение

Необыкновенный случай

(Из галицкой жизни)

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Андрей Степаныч Короп проснулся пятого января довольно поздно: накануне он ужинал в большой компании и совершил обильное возлияние. Открывши на мгновение глаза, раздраженные полоской бледного света, прокравшегося сквозь щель опущенной драпировки алькова, и потянувшись сладко, он снова закрыл их, повернулся к стенке и обнял... несматую соседнюю подушку; это непривычное ощущение отрезвило его сразу от грез: он осмотрелся и вспомнил, что его жена уехала в Вену.

Вставать Андрею Степанычу не хотелось, – голова была тяжела; он закурил папироску и, нежась в постели, предался мечтаниям.

"А сильное впечатление произвел я вчера речью, – вспомнил он, – всех затмил, поразил и уничтожил! Мысли неслись у меня жгучим вихрем, слова звенели, как сталь, а речь бурлила каскадом, переливала бриллиантами... Это поднимет меня в общественном мнении как адвоката... Да и завинтил же я им, патентованным, на их либеральненькие заигрывания, – даже переглядываться все стали и притворять двери – трусишки! А я им сплеча и за скасование классического образования, и за уничтожение привилегированного произвола, и за децентрализацию, и за автономию, и за черт его знает что... Хорошенько уже не припомню: в памяти осталось только, что много кричали и что из соседней залы сбежалась молодежь... чуть ли даже не качали меня. Успех во всяком случае был необычайный, и популярность моя поднялась... Как бы только не дошло?... Э, вздор!" – успокоился он и начал думать о другом.

– Да, я и забыл! – проговорил Короп вслух. – Вчера ведь я получил письмо от Нюнчика! – и он достал из ящика в ночном столике письмо и стал его снова перечитывать.

Среди сердечных излияний и радужных надежд жена писала ему про его первый роман, посланный в редакцию одной столичной газеты: роман был прочитан и одобрен, за исключением лишь развязки; редактору не понравилось, что герой романа Ясь стреляется на ковре, а героиня Сара вешается на чердаке; он требовал непременно закончить роман счастливо: в середине-де допускал редактор всякие зверства, насилия и лужи крови, но к концу, по его мнению, мрачный колорит обязательно должен был перейти в успокоительную ясность. При последнем условии, исполненном не позже, как к 6 января, он обещал поощрить юного писателя и пустить роман фельетонами в своей газете; но при опоздании хотя бы на один день он брал свое слово назад, так как и без того портфель редакции переполнен произведениями известных литературных имен.

"Да, – мечтал, затягиваясь ароматным дымом, начинающий писатель, – роман принят, и где же? В столичной газете, где помещают свои произведения крупные тузы... и среди их, среди этих звезд литературы, буду блистать и я! Значит, судьба моя решена: я – писатель, литератор, беллетрист, ро-ма-нист!" – и Андрей Степанович от радости так подпрыгнул в постели, что чуть не свалился на пол; впрочем, такие порывистые движения оправдывались приливом понятного всем восторга, а главное – молодостью: Коропу было не больше двадцати трех-четырех лет. Окончивши Львовский университет по юридическому факультету, он приписался кандидатом к присяжному поверенному, желая посвятить себя адвокатской карьере; сначала она манила его страшно: блистательные речи, изумленные судьи, умиленные присяжные, растроганные до слез преступники и восторженная толпа... громы рукоплесканий, мелькающие в воздухе дамские платки, звонок председателя... Но вскоре эти иллюзии побледили и превратились в скучную и кропотливую работу, в беготню за справками по канцеляриям... И вот поэтическая, жаждущая шума и славы душа нашего кандидата не удовлетворилась такой мизерной работой, а стала искать себе другого исхода; в период этих разочарований и женился мечтатель на хорошенькой, шустрой панне Марье.

Новое семейное гнездышко, новый упоительный чад наслаждений погрузили душу счастливца в поэтическую истому и возбудили у него зуд к писательству; результатом всего этого вышел роман, о котором теперь и сообщала жена – Нюнчик.

"Конец-то переделаю сейчас же, вдруг, – решил в уме Короп, закуривая вторую папиросу, – поженю их – да и шабаш! Только вот в чем затруднение: полиция будет преследовать... Разве покаяться, принести повинную, отговориться соблазном,